

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенеv.
Преступления из прошлого:

Портрет-призрак
Дневник тайных пророчеств
Фреска судьбы
Чёрный король
Белое станет черным

Под завесой мистических тайн:

Перстень черноknижника
Особняк у реки забвения
Клиника в роще
Отель на краю ночи
Замок на Воробьевых горах
Приют вечного сна
Лицо в темной воде

Маша Любимова и Глеб Корсак.
Следствие ведут профессионалы:

Последняя загадка парфюмера
Иероглиф смерти
Никто не придет
Место, где все заканчивается
Не смотри ей в глаза
Покидая царство мертвых
Демоны райского сада
Конец пути
Ведьма придет за тобой
Сон с четверга на пятницу
Заблудшая душа

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Москва
2016

www.granovskie.ru

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Оформление серии *С. Груздева*

Грановская, Евгения.

Г75 Заблудшая душа : [роман] / Евгения и Антон Грановские. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 352 с. – (Детектив-лабиринт Е. и А. Грановских).

ISBN 978-5-699-79226-9

Получив известие о смерти своего дяди, Глеб Корсак немедленно выехал в провинциальный городок Полесск. Борис Алексеевич Корсак погиб во время пожара в краеведческом музее, где он работал директором. По официальной версии, произошел несчастный случай — загорелась старая проводка. Но потом Глебу подбросили записку: «Вашего дядю убили»...

Оказалось, Борис Алексеевич писал роман — Глеб нашел рукопись в сейфе среди обгоревших развалин музея. Он повествовал о далёком предке их семьи, Галебе Корсо, которому пришлось вступить в схватку с демонами в зверином обличье. Увидев в городе изображения описанных в романе существ, Глеб понял: возможно, его дядя узнал о них больше, чем полагалось...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79226-9

© Грановская Е., Грановский А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ПРОЛОГ

Г. Полесск, Калининградская обл., 15 сентября

Борис Алексеевич Корсак посмотрел на себя в зеркало и вздохнул. То ли старинное зеркало, в силу своей древности, чересчур сильно искажало его черты, то ли эти черты были искажены прожитыми годами самого Корсака (а накопилось их уже больше шестидесяти), но увиденное не доставило Борису Алексеевичу никакого удовольствия.

Морщинки, мешки под глазами, обвисшие щеки, седина. «И как только она может меня любить? — подумал Корсак. — Я ведь намного старше ее. Да и импозантным меня никак не назовешь».

Борис Алексеевич провел по зеркальной глади ладонью, словно хотел стереть со своего лица отпечаток времени, вздохнул и отвел глаза от зеркала.

В музейном зале было пусто и тихо, лишь тихонько потрескивали люминесцентные лампы под потолком. Борис Алексеевич неторопливо прошелся по залу, поглядывая на экспонаты и чувствуя себя единовласт-

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

ным хозяином этого небольшого, но дорогого сердцу царства. Старинные изделия из бронзы, статуэтки и украшения, потемневшие от времени картины в тяжелых резных рамах, фарфоровый сервиз барона фон Клинкоуф — когда-то расколотый на десятки кусков, но затем старательно склеенный реставратором из областного центра. Ко всему этому Борис Алексеевич приложил когда-то руку, и все эти предметы ушедших эпох были ему дороги, как могут быть дороги только самые близкие родственники.

Корсак снова остановился у старинного зеркала, висящего на стене. И в эту секунду в музее погас свет. Зал погрузился в полную темноту, однако Борис Алексеевич не растерялся и не испугался — электропроводка в музее была такая же старая и ветхая, как сам музей, и свет в залах гас с неприятной регулярностью.

Борис Алексеевич достал из кармана мобильный телефон и включил экран. Затем, подсвечивая себе дорогу тусклым светом дисплея, добрался до полки, на которой стояла старинная керосиновая лампа. Достать из кармана зажигалку и зажечь фитиль лампы было делом одной минуты, и вскоре язычок пламени озарил небольшую часть зала и лицо Бориса Алексеевича.

Корсак убрал зажигалку в карман, поднял керосиновую лампу и двинулся к выходу из музея, поскольку распределительный электрощиток находился на улице. Шагая к выходу, Борис Алексеевич мурлыкал себе под нос привязавшуюся недавно песню.

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Волку так холодно зимой.
Волку хоть волком вой.
Пустите бедного домой...
Сяду я к жаркому огню,
Мяса поем, чаю попью...

Вот и дверь. Борис Алексеевич сдвинул тяжелый засов, повернул ручку замка, открыл дверь и вышел, наконец, на сумеречную вечернюю улицу. Погода была пасмурная, накрапывал дождь. Корсак двинулся было к щитку, но вдруг остановился как вкопанный. В нескольких шагах от себя он увидел их — чудовищ из своих кошмаров. У них были человеческие фигуры, но их плечи венчали не нормальные головы, а отвратительные белые звериные морды.

Борис Алексеевич попятился. Они двинулись с места и стали неторопливо приближаться, скаля зубы и уставившись на Корсака черными и бездонными, как глазные впадины черепа, глазами.

Борис Алексеевич исторг хриплый, отрывистый крик, затем повернулся, вбежал в музей и захлопнул за собой дверь. С лязгом задвинул засов и, отбежав от двери, принялся шарить по карманам в поисках мобильного. И в эту секунду в дверь кто-то постучал — громко, требовательно.

Борис Алексеевич уставился на дверь, руки его задрожали, керосиновая лампа выскользнула из пальцев и со стуком упала на землю. Стеклянная колба разлетелась на куски, и язык огня, соскочив с фитиля, подобно голодному зверю, лизнул ковер и бахрому портьеры.

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

«Господи, да что же это?!» — пронеслось в голове у Корсака. И тут в дверь снова застучали — громко, почти оглушительно. И ужасный этот стук эхом отразился в груди Бориса Алексеевича, сотряс его сердце, рванул аорту, как рвут пьяными пальцами струну гитары. Корсак хрипло застонал и схватился рукою за грудь.

Когда в дверь постучали в третий раз, он попятился, задел каблуком за валявшуюся на полу керосиновую лампу, покачнулся и рухнул на пол. Огонь заплясал вокруг головы Бориса Алексеевича, но ему уже было все равно, он был мертв.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Г. Москва, 16 сентября

Глеб Корсак затушил сигарету в пепельнице и потер пальцами заслезившиеся от табачного дыма глаза. Белокурая девушка, лежащая щекой на его голой груди, медленно провела пальчиком по небольшому шраму, багровеющему у Глеба с левой стороны живота.

- Глебчик, откуда у тебя этот шрам? — спросила она.
- Напоролся на ветку, — ответил Корсак.
- На ветку?
- Да.

Она снова легонько провела пальцем по шраму.

- Тебе, наверное, было очень больно?

Глеб Корсак дернул уголком губ:

- Пустяки. Не больше комариного укуса.

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

На тумбочке зазвонил мобильный телефон. Глеб протянул руку, взял трубку и поднес ее к уху.

— Слушаю, — сказал он в трубку.

— Я говорю с Глебом Корсаком? — Голос у собеседника был негромкий, грустный и какой-то тусклый.

— Да, — ответил Глеб.

Незнакомец несколько секунд помолчал и затем спросил, чуть громче, но с тем же обреченным выражением в голосе:

— Моя жена у вас?

— Что?

— Марина Зотова, — грустно пояснил незнакомец. — Я нашел ваш телефон в ее записной книжке. Она у вас?

— Нет, — сказал Глеб, выключил телефон и положил трубку обратно на тумбочку.

Шею Глеба обвили теплые нежные руки.

— Кто это звонил? — спросила блондинка.

— Ошиблись номером, — ответил Глеб. — Одевайся. Мне пора идти.

— У, какой ты скучный. — Девушка поцеловала его в плечо. — А знаешь что, ты иди по своим делам, я еще немного понежусь в постели. Так не хочется никуда выходить. Во сколько ты вернешься, Глебчик?

Глеб глянул на девушку через плечо задумчивым взглядом.

— Я, кажется, просил тебя не называть меня Глебчиком.

Девушка рассмеялась, перегнулась через Глеба, достала из пачки, лежащей на журнальном столике, сигарету и хмыкнула.

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

— Ну и зря. Тебе так идет это имя. — Она прикрыла глаза и повторила нараспев: — Гле-е-бчик.

Затем вставила сигарету в рот и прикурила от изящной зажигалки. Выпустила облако сизого дыма и с вызовом посмотрела на Глеба.

Корсак поднялся с кровати, надел брюки, подошел к креслу, поднял с него ворох женской одежды и протянул девушке.

— У тебя есть пять минут, — сказал он.

— А что потом? — усмехнулась девушка. — Застрелишь меня из своего травматического пистолета?

Глеб сдвинул брови и хмуро посмотрел на партнершу.

— Вот это взгляд! — воскликнула девушка в притворном восхищении. — Тебе никто не говорил, что ты похож на Роберта Паттинсона?

Глеб поморщился. Девушка усмехнулась и махнула рукой с зажатой между пальцами сигаретой.

— Впрочем, — презрительно сказала она, — откуда тебе знать, кто такой Роберт Паттинсон. У тебя ведь здесь даже телевизора нет, а в кинотеатры ты не ходишь.

Глеб ничего на это не сказал. И тогда она заговорила снова:

— Я тебе уже надоела, да? Ты ждешь не дождешься, когда я оставлю тебя в покое? Только со мной так не выйдет. Я тебе не какая-нибудь дешевая шлюха.

Глеб снова поморщился, как от зубной боли.

— Думаешь, от меня можно так вот запросто отмахнуться? — продолжала блондинка. — Переспал пару раз — и до свиданья?

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

— Это звонил твой муж, — сказал Глеб. — Прошу тебя, оденься.

Девушка раскрыла было рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого вскочила с кровати, яростно вмяла дымящуюся сигарету в пепельницу и стала быстро одеваться.

Одевшись, она вытащила из сумочки расческу и причесалась. Ее хорошенькое лицо было искажено гневом.

— Иди, открой мне дверь! — процедила она сквозь зубы, одаривая Глеба таким взглядом, что, будь он куском стекла, он бы разлетелся вдребезги.

Глеб, ни слова не говоря, вышел в прихожую. Девушка направилась следом за ним.

На пороге квартиры она обернулась и с угрозой произнесла:

— Я это запомню, Глеб. Советую тебе почаще оглядываться по сторонам.

— Спасибо за заботу, — поблагодарил ее Глеб. — Ты тоже под ноги смотри.

Девушка отвернулась и сбежала по ступенькам вниз. Глеб закрыл за ней дверь, посмотрел на свое отражение в зеркале, взъерошил ладонью волосы и хмуро произнес:

— Н-да.

Одевшись и выпив чашку крепкого кофе, он вышел в прихожую. Обулся, накинул плащ и повернулся к зеркалу. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами фиолетовые тени, в глазах — усталость и скука. «Видела бы меня Маша», — подумал он вдруг.

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

При мысли о бывшей жене Глеб нахмурился, взял с полки связку ключей и, пребывая в самом мрачном настроении, вышел из квартиры.

2

Пресс-конференция «модного современного писателя Глеба Корсак» проходила в Центральном доме книги. Сам Глеб Корсак восседал за столом. Его каштановые, с себредрящейся прядкой, волосы были аккуратно причесаны, а глаза надежно упрятаны за темные стекла солнцезащитных очков.

Руку подняла журналистка из дамского журнальчика.

— Да, — кивнул Глеб.

Девушка поднялась с места и спросила немного свысока:

— Говорят, что у вас — как у писателя — наступил творческий кризис? Это правда?

— Спросите это у тех, кто говорит, — небрежно обронил Корсак.

— Значит, вы уже пишете новую книгу?

— Возможно.

— А нельзя ли поточнее?

Глеб хмыкнул:

— Вы хотите, чтобы я произнес монолог?

— А вы можете? — едко улыбнулась журналистка.

— Пожалуйста. — Корсак снял темные очки и положил их на стол. Взглянул на журналистку и сказал: — На свете все меньше вещей, которые могут выбить меня из колеи

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

или заставить смутиться. Я научился без потерь переживать депрессии, душить в себе приступы меланхолии. Сдержанность и спокойное бесстрашие — вот что должно стать привычкой мужчины, переступившего сорокалетний порог. Я давно понял, что, например, давать нищему мелочь нужно не из жалости, а единственно потому, что так надо. Точно так же, как надо придерживать за собой дверь в метро, чтобы она не разбила лицо тому, кто идет следом. Этого требует закон необходимого приличия.

В первые секунды монолога журналисты замерли в удивлении. Теперь по их рядам пробежал недоуменный ропот.

— Я дожил, наконец, до такого возраста, — продолжил Корсак, не обращая внимания на недовольные лица, — когда в человеке начинаешь больше всего ценить не какие-то особенные таланты, обостренную чувственность или неординарные душевные качества, а элементарную порядочность. Порядочность в виде приобретенной с годами привычки. При этом, увы, не особенно надеясь встретить ее в каждом новом знакомом.

Глеб замолчал. Несколько секунд в помещении царила тишина, затем один из журналистов, корреспондент «желтого» издания, весело проговорил:

— Думаю, нас всех впечатлил ваш пафосный монолог. Но я хотел бы спросить вот что...

— Пресс-конференция окончена, — сказал Глеб, надел темные очки и поднялся со стула.

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Журналисты снова недовольно зароптали. Представитель издательства вскочил вслед за Корсаком и тихо проговорил:

— Глеб Олегович, так нельзя. Они же черт знает что напишут в своих газетах.

— Пусть пишут, — сухо обронил Корсак.

Он выбрался из-за стола и пошел к выходу. Открыл дверь, вышел к коридор, закрыл за собой дверь, чувствуя облегчение, словно оставил журналистов не просто за дверью, а где-то за границами собственного существования. Сунув руку в карман, Глеб направился к месту для курения, но, ощутив пустоту в кармане, с досадой вспомнил, что оставил сигареты в пресс-зале, на столе.

Глеб остановился.

«Ну? — с усмешкой спросил он сам себя. — И какая еще неприятность произойдет сегодня?»

И, словно отозвавшись на вопрос, в кармане у него зазвонил мобильник.

— Лучше бы я оставил там телефон, — проворчал Корсак, доставая трубку. Затем прижал мобильник к уху и недовольно проговорил: — Слушаю.

— Глеб Олегович Корсак? — уточнил незнакомый голос.

Глеб отнял телефон от уха и глянул на дисплей. Отобразившийся номер был ему не знаком. Глеб снова прижал мобильник к уху:

— Он самый.

— Ваш дядя, Борис Алексеевич Корсак, умер.

— Что?.. Как умер?